

Отпрыски

Притчи и небылицы
для великовозрастных детей

В России писателю архиважно не проморгать момент,
когда пора переключаться на сочинение сказок и легенд

Как дед с летом обозначился

Небылица

Жил-был дед — во сто шуб одет.

«Во сто шуб одет» — так, посмеиваясь, величали соседи: в любую пору, хоть студёно на дворе, хоть жарко, выбирался дед из дому в своём латанно-перелатанном овечьем зипуне, в подшитых валенках да замызганной шапке-ушанке.

— Дед, зачем кутаться без нужды?

— Почём знаю, когда стынь? Ну, как спину продует...

— Для того в доме флюгер и термометр — они подскажут: когда на дворе зима, когда лето.

Задумался дед, сон у него пропал, начисто: «Ежли б не соседи, с их приборами, жил бы поживал, как прежде. Поди, в шубейке и валенках-то надёжней. А сейчас придётся завести, — сокрушался он, — у соседей есть, у меня нет».

Купил и он новомодные приборы.

— Всё как у людей, — укрепляя флюгер, облегчённо кряхтел старик.

Теперь он прям из окошка мог определить: студёный ветер али нет. В жару не оболакивался, валенки с печи не снимал — так и выходил на крыльцо босой, в исподнем. Глянет бывало на стрелку — «южный», на термометре «плюс!» и — вперёд!

Помолодел старик! Вроде бы живи да радуйся... Ан нет!

Гнула, травила его печаль-кручина...

Хорошо на энти приборы любоваться, в погоду ладную...

А в непогдь, ненасье?

Ты ещё и носа на улицу не высунул — настроение уже испортили. Раньше, к примеру, ты может, в этот день и не планировал вовсе с печи слезать, что тебе до погоды... Тут, пожалте: наготово в душу плюнут, мол, погода плохая. Считай, весь день испорчен.

«Нет, так не пойдёт», — твёрдо решил старик, не на шутку осерчав.

Ночь на дворе, ему бы в третий сон под парами въезжать, а он кряхтит, возёхается, распекает грозно флюгер, словно тот живой:

— Ты наш али не наш? Свой али не свой?! Э-ээх, ты мне!.. — укорял дед. — В одних хоромах живём, паря, должны в одну сторону глядеть, в одну дуду дудеть, а ты всё носом водишь, озираешься... откуда ветер дыхнёт. Крутишь-финтишь! Ты... по национальности случаем не того?.. Не космополит?! Что-то больно нос у тебя долгий!

Дед слез с печи, присел у окошка, свернул самокрутку, сурово уставился на термометр за стеклом и ему тоже давай разнос учинять:

— А ты долго так собираешься елозить вверх-вниз?.. цифрами жонглировать да вприсядку жить? Под чью дудку пляшешь, милок?..

Он вскочил и ажно притопнул ногой:

— Определяйтесь, с кем вы!.. Тыть... Я в своём доме засланцев не потерплю!

Едва угомонился...

За ночь нисколь не прикорнул — утра ждал.

А чуть свет, дед — в руки молоток и к флюгеру.

По компасу азимут выверил, развернул стрелку на юг и... вертлявого гвоздями к столбу прибил. Затем на бумаге вывел слово «лето», изобразил солнышко — термометр этой полоской наглухо обернул. Зашёл в дом, подивился из окна на свою работу и так ему гордо стало. Теперь флюгер и термометр плохими вестями настроение не портили — радовали всегда.

Долго ли, коротко ли купался в счастье старик, да только пришла в те края зима.

Засыпало дома снежными сугробами по крышу, затрещал по деревьям лютый мороз. И вот однажды сидит дед у окошка, как всегда, изба пылко натоплена, солнышко через стекло припекает — разморило старика, в сон клонит... И так на душе у него благостно сделалось, так тепло-счастливо... словно опять помолодел. Поглядывает он в полудрёме на флюгер, а мысли на ушко намурлыкают одно сладкое:

— Ветер ю-уужный... Погода ласковая... Благода-ааать...

И тут взгляд его полусонный перетёк на термометр:

— Ле-еето!!!

Забылся старый, что сам эту «липу» клеил. От счастья, как сидел босиком, в рваных подштанниках, так и выскочил из светёлки... А на улице-то мороз! лютый!!! на крыльце голый лёд... (жил-то дед не на Багамах!) поскользнулся старик и давай носом ступеньки считать... да так усердно считал, что дух из него вон!.. и бородёнка съехала набок.

Вот тебе и «лето».

Зря старик послушал соседей.

Ходил бы себе, как всегда круглый год в шубе, так ещё и сейчас был бы живёхонек.

*

15.01.2017 г.

Трансформер

Иллюзия

Уличный фонарь, увитый снежной мошкаррой, едва освещал холостяцкую комнату... Не включая свет, он сел на кровати, опустил босые ноги на студёный пол и мрачно закурил. Ступни и лодыжки приятно обжигал мёрзлый сквозняк, вытягивающий домашнее тепло в приоткрытую дверь балкона. Он курил, не замечая, куда падает серый пушистый пепел, курил, задумчиво покачиваясь в такт мыслям, глубоко втягивая горький дым.

Он не мог ошибиться... Да, явилась муза и отчётливо, явственно поинтересовалась:

— Ну что, милый Топтыжкин, всё лапу сосёшь?

Он опешил и сперва хотел решительно возразить, бросив в ответ какую-нибудь колкость, но, во-первых, в её голосе не слышалось злой иронии, а во-вторых, он ещё спал... всё произошло так неожиданно. «Топтыжкин...» — несомненно, недруг так не скажет. Как в детской сказке... Когда-то в раннем детстве мама звала его именно так. Молчать, однако, было неприлично и он, не найдя ничего лучше, односложно спросил:

— А что делать?

— Не пишется?.. — участливо осведомилась незримая гостья?

— Нет.

— Улыбнись жизни и она улыбнётся в ответ. Чего сидеть сиднем?.. Тебе нужны свежие впечатления, выберишь на свет белый... сходи в кино.

— У меня телевизор есть.

— Телевизор — не то...

Разговор оборвался так же неожиданно, как и начался.

Муза не уговаривала его, нет. Она удалилась бесследно, беззвучно, как появилась.

«Нужно записать фразу, а то наутро не вспомню», — на полу возле изголовья он нащупал в темноте дежурный блокнот, карандаш и начертил наугад несколько ключевых слов. Причудливый сон не оставлял его до утра, повторяясь в различных вариациях, с разными деталями, иными «подводками», сохраняя неизменной главную мысль: «сходить в кино». Сумрачный осенний рассвет давно сменил серый день, а вставать он не спешил, всё ворочался на диване с боку на бок и размышлял: «Не нравятся мне западные фильмы-ужасы, фэнтези, их заумная компьютерная графика, фонограмма смеха за кадром...» Он даже не смог вспомнить, когда последний раз покупал билет: ощущение такое, словно это было не с ним — с кем-то другим, в прежней, безвозвратно ушедшей жизни.

— Выбраться в кино?.. Схожу, с меня не убудет. И, если муза советует «улыбнуться жизни» — улыбнусь.

Он поднялся в позитивном настрое, сбрил недельную щетину, принял контрастный душ, вскипятил бульонный кубик и, смакуя, под белогвардейские песни, выпил его вприкуску с ржаным хлебом и маслом (в экстремальные моменты это всегда приводило в струну — выручило и сейчас). Затем он вступил в неравный бой с горой грязной посуды в раковине и... — победил. А потом, уже за чистым кухонным столом, неспешно расшифровывал ночные каракули в блокноте.

Современные кинотеатры давно строили в шаговой доступности... Сверкающие безыскусной рекламой, подавляющие слух и волю ударами однообразной бухающей какофонии, они активно зазывали посетителей. Теперь на вечерний сеанс пришёл и он. Приятно поразил роскошный зал с просторными рядами, мягкими, анатомическими креслами и ёмкостями для попкорна, прекрасный обзор, акустика... А фильм!.. Что-то про гигантских трансформеромонстров, которых собирал тинэйджер и выпускал на ринг. Бред... О вкусах не спорят, но по его разумению: ни уму — ни сердцу... Он сам, как рассыпавшийся в прах трансформер, утром еле собрал себя после холодного одиночества, после затянувшегося творческого безмолвия и

депрессии. И как всегда, при такой авральной сборке, часть деталей затерялась... Например, очевидно, в его собственной голове — не полный комплект, иначе сейчас этот idiotский фильм он бы не смотрел. Духу его тут не было бы... Он уже давно не следил за сюжетом, погрузившись в одинокие мысли, и тут звук прервался... На экране ультрасовременного кинотеатра, как в сельском клубе в момент сбоя в работе кинопередвижки, светилось пустое пятно. Редкие зрители не галдели, не свистели, не возмущались. Однако и прилежно сидеть не желали — голь на выдумки хитра...

В потоке света пальцами изобразили живую тень — по экрану засеменял коротенькими ножками прообраз Чарли Чаплина, время от времени персонаж останавливался и почёсывал ногой свой главный гендерный признак. Раздались смешки... В противоположном углу экрана появилась голова овчарки: уши чутко наостроены, пёс беззвучно лаял на американского комика. Кто-то академической комбинацией из трёх пальцев изобразил профиль старухи...

Театр теней!

Публика, кто как умел, демонстрировала незатейливые номера самодеятельности.

И вдруг...

Да, вдруг, словно по волшебству...

Из ниоткуда по крутой траектории в небо взмыла голубка.

Несмотря на чёрно-белую анимацию, птица была столь узнаваема, столь грациозна, что все прочие персонажи вмиг расступились, очистив экран. В гордом одиночестве она кувыркалась в небесах, то закладывая лихие головокружительные виражи, то сложившись комком, стремительно пикировала вниз, то свободно расправив крылья, парила над всеми. Он не смог удержаться... и его голубь полетел навстречу таинственной незнакомке. В воздухе сизари зависли напротив друг друга, осторожно коснувшись клювиками, затем сделали пируэт и, казалось, шум перьев, их амурное воркование-гульканье отчётливо услышали в притихшем зале все зрители...

Восторженную тишину прервал гром аплодисментов.

И тут опять включили фильм.

Он больше не смотрел на экран, лишь возбуждённо оглядывался и заметил, как девушка, одиноко сидящая сзади, накинула на голову капюшон и, осторожно спускаясь в темноте, стала пробираться к выходу.

Он — за ней...

Впервые за долгие годы он коротал ночь и встречал рассвет не один.

А утром, заправив в каретку печатной машинки лист белоснежной писчей бумаги, уже отстукивал текст... Ещё через час она сварила кофе, они вместе пили его с горячими маковыми булочками и он читал ей свежие гранки своего нового рассказа.

Все детали его трансформера нашлись и встали на свои места.

И, самое главное, — встал на место кубик-сердце.

*

18.11.2016 г.

Зоо-рай

Мозаика из жизни братьев меньших

Утром в зоосаде случилось настоящее ЧП!

Разыгравшись, волчонок в пылу-азарте... ненарочно, абсолютно случайно! клыками... слегка поранил зайчишку.

— Ты что-ооооо! — заверещал косою, — я всё маме расскажу!

— А что такое «мама»? — опешил волчонок, почесав задней лапой за ухом.

— Мама?... это... это что-то очень доброе, сильное, ОНО никогда не даст в обиду. Но, если честно, я свою маму не знаю.

— И я, — с грустью провыл волчонок.

Зверята на площадке молодняка не помнили своих родителей...

Как они попали сюда? где нора-колыбель? куда подевались сородичи? — не знал никто. Все одинаково пили парное молоко, тем были и сыты. Зайчата и волчата, телята и львята, козлята, тигрята, медвежата — у каждого своя бутылочка с цветной наклейкой-рисунком. Только у бельчонка, к примеру, бутылочка махонькая, а у слонёнка — с ведро.

И совсем никто на площадке молодняка не считал, что сама ситуация, в которой они оказались, — сказочная, а звери вокруг — диковинные, совсем-совсем на них не похожие. В молочном детстве все малыши милые-премилые и дружные-предружные. Молодняк вместе рос, наперегонки взрослел, тюкаясь носом в преграды, жалобно мычал, ревел, блеял, чирикал, когда становилось нестерпимо больно и крайне одиноко, а потом, накормленные, сытые, детёныши засыпали, уткнувшись в тёплые животы друг другу, как крольчонок тигрёнку, или вовсе забравшись с лапами на голову, как цыплёнок львёнку. Это была одна большая семья! А если и разбивались на пары, кучковались, то совсем не по тем признакам, как принято в дикой природе. И скучали они друг по дружке, и плакали — по-настоящему, каждый на своём языке, но одинаково горячими слезами... Хорошо ли, плохо живут не знали, иной жизни не ведали, — не с чем сравнивать.

И вдруг небо рухнуло!..

Будто ураганом все деревья выдернули с корнями.

Словно ветром подняло всех зверушек и... — наотмашь шмякнуло об землю.

Волчонок, пусть нечаянно, поранил «грызуна»: «Поду-уумаешь!»

Как раньше, на том бы дело и кончилось...

Зверята не какие-нибудь паиньки-неженки: разве уберёжешься в детстве от болячек, ссадин, ушибов... дело молодое. Но тут ведь другое совсем... Волчонок не бросилсялизывать зайчишке ранку (как обычно!) Нет... Нет!!! Глаза его налились кровью, он шарахнулся от косою, как от огня... заклацал зубами... с воем умчался прочь. Запах свежей крови ударил в голову львёнку, игравшему поблизости в салки с косулей... Лев тормознул всеми лапами... озорная грациозная подружка налетела со всего маху на него... оба завизжали от боли. Шерсть на загривке у льва встопорщилась, по шкуре побежали искры... А мишутка, тот вообще: кирзовой носопырой втянул влажный воздух да как рывкнет! Сбил лапой пенёк, на котором играли белки с горностаем, и... покатился кубарем под горку.

Какой ужас!!!

Что случилось? Никто не понимал.

Ни старших наставников, ни признанного лидера-ровесника в зоосаде не было. О том, что именно лев считается царём зверей, никто понятия не имел. Не было у них «царей». Все были равны и уважали больше других слонёнка: он самый-самый добрый из всех... И вот, дабы хоть как-то уладить недоразумение, объявили о созыве общего схода на зелёной поляне.

— Давайте уважать друг друга! — прогундосил в хобот слонёнок.

— Нельзя разбойничать там, где живёшь! — в один голос фыркнули хорёк и лиса.

— А никто разбойничать и не собирается... Просто ужинать пора, — рысь грациозно потянулась, дрыгнула сперва одной задней лапой, потом другой и стала точить растущие когти о смолистый ствол ели. — У меня, например, щадящая медицинская диета — «1 стол». Прописана строго белковая пища: постное диетическое мясо, индейка, курица, телятина, крольчатина...

Все притихли, кролик попятился.

— А я ем, что найду: малину? — малину; рябину? — рябину; корешки? — корешки. Пусть и остальные так.

— Ты ещё предложи гербарий собирать, — рыкнул гепард.

— Почему нет?! Нужно сдерживать отрицательные эмоции, помнить: мы — братья! Если я начну заказывать свои излюбленные блюда, составлять меню, думая лишь о собственных вкусах и прихотях, жарко станет всем! — рявкнул медведь.

— Голосуем! Единогласно, — объявил бобёр.

— Я же голосовал «против», — обиделся волчонок.

— Какая разница? Ты всегда против. Прикажешь под тебя подстраиваться?

— Я вот, что думаю: может, цветы, травы... личинки — живые? может, им тоже больно?!!

— Так, ты давай тут... нас не путай! — встрял ёжик. — Не нравится? Катись отсюда!

— Зверята, не ссорьтесь! — пискнула белочка.

Носорог, слонёнок и жираф обступили волчонка:

— Как тебе не стыдно обижать маленьких!

— Я больше не буду... нечаянно сорвалось. Сам не пойму... Заяц-беляк, как обычно, игриво перескочил через нос, а меня... словно ошпарили! — в ноздри как шибанёт чем-то сладким, аппетитным... Не смог удержаться. Не успел понять, зубы сами щёлкнули... Он как завизжит. Я клыки-то сразу разжал, выпустил...

— Как ты мог?

— Не знаю. Честно!

— Эх!..

— У меня давно сны какие-то неприличные снятся... зайчатина. Думал, пройдёт.

— Вы нас так всех... всех до одного перережете, — грустно просвистела мудрая иволга плотоядным. — Охотьтесь-ка лучше за оградой. Кушайте там чужих, если организм требует. Страшно подумать... — иволга даже поперхнулась, — если нас съедят наши же молочные братья и сёстры. Чужакам-то мы и сами не дадимся, сумеем постоять за себя, за свои гнёзда... А вы-то нам — родные.

Больше никто не вымолвил ни слова...

Все, боясь смотреть в глаза друг другу, молча разбрелись по своим углам.

Не страх возможной боли, не угроза неминуемой общинной расправы и возмездия остановили хищников. Нет. Стыд!.. Великий стыд и смущение явились той неодолимой преградой, которую ни волк, ни леопард, ни росомаха с гиеной не смогли переступить.

Зайчонок постепенно забыл страх... ужас... бр-ррр!

И вспоминал «недоразумение» с волчком лишь когда рана при смене погоды начинала побаливать. С серым воспитанником они и раньше не были близкими друзьями, но уважение, основанное на родстве сиротских судеб, сближало. Сейчас в рослом волке с великим трудом угадывался тот бесшабашный — душа нараспашку! — волчонок на безвольно-пляшущих лапках. И зайчишка вырос — время не стоит на месте — однако он смотрел на возмужавшего, заматеревшего волка с нескрываемым уважением, снизу вверх, как на старшего, успешного, более сильного брата. Теперь волк по очереди с медведем, рысью, львом и леопардом дежурили на территории зоосада, оберегая покой обитателей, не допуская нарушения дисциплины и правил общежития. (Им — разминка и забава, хулиганам — страх!) Дежурный выделялся среди прочих питомцев красной повязкой на лапе, заметной издали, с изображением светящейся оскаленной пасти. В зоосаде отныне все и всегда неукоснительно соблюдали порядок.

Изредка хищники исчезали куда-то на ночь...

Волк, когда голод подтягивал живот и характер его становился раздражительным, взрывным, а манеры неделикатными, когда глаза при виде овечки, курочки густо наливались... туманились кровью, тоже исчезал до утра и появлялся упитанный, великодушный, с алой

пушинкой прилипшей к довольной морде. «Куда только делись агрессия, зло, кровожадность, которыми волк лучился вчера?» — изумлялся косой. А бордовые пятна на седой шерсти?.. Так спустя день-два они сойдут. В конце концов, у всех с рождения свои странности, индивидуальные особенности характера, пристрастия и вкусы. Не все ж вегетарианцы... Есть и блюстители.

Как складывалась жизнь по ту сторону забора травоядные догадывались: «морок и ад!..»
Однако, говорить об этом считалось неприличным. Главное, у них царили тишь и гладь, мир и дружба. Главное, тут, внутри... — рай.
Рай в отдельно взятом зоосаде!

*

27.01.2017 г.

Сценарий

Е.С.

Из цикла «Плацкартный вагон»
(Дорожное настроение)

*Из всех искусств для
нас важнейшим является кино.*

В. И. Ленин

Поезд медленно тронулся...

Волнистый перрон в лужах, фонарные столбы, старухи с плетёными корзинами, доверху забитыми яблоками, варёной картошкой, огурчиками, зелёным лучком, помидорчиками и румяными пирожками медленно поплыли... поплыли в окне вагона, сменяя кадр за кадром. Взгляд мой скользнул по зданию вокзала — аршинные буквы на фасаде немо свидетельствовали: «Вятские поляны». Юноша-попутчик обратил Её внимание на аншлаг:

— Полюбуйтесь!

Она прильнула к стеклу и убитым голосом обречённо произнесла:

— Вв-вятские поляны.

В засыпающем вагоне эта фраза прозвучала отчётливо, неутешительно, как приговор, который обжалованию не подлежит. Плацкартный вагон как-то сжался весь, скукожился, стало тревожно-тихо; безутешный младенец в соседнем купе и тот затих. В наши души заползала беспросветная серая безнадёга...

— Это не просто название города либо станции... нет, — указательным пальчиком Она изобразила на запотевшем стекле словосочетание и, слегка отстранившись, полюбовалась им. — Это экспрессивное ёмкое русское выражение, — одним жестом смахнула влажные буквы.

Прильнув лбом к холодному стеклу, соприкасаясь головами, они молча провожали глазами уплывающую вывеску.

— А что ещё может быть «вятским»? — спросил он.

— Жизнь, — предположила Она.

— Дороги.

— Архитектура.

— Погода.

— Настроение.

— Шутки.

— Всё, — подытожил он. — У нас «вятским» может быть абсолютно всё.

Я с огромным интересом наблюдал их пикировку и лишь немислимым усилием воли, сохранял беспристрастный вид.

— Ты знаешь, я сейчас представил короткометражный фильм минут на пять.

— Пять много — три.

— Ну, давай три, — миролюбиво согласился он. — Итак, российская глубинка: лето, комаристый вечер, вседержитель земли русской стоит на взгорке, а вокруг, сколь хватает глаз, бескрайние заброшенные поля...

— Нет... лучше не так, — глаза у неё озорно вспыхнули, — заросшие поля — это ивовый кустарник и мелкий березняк — неочевидно, некрасноречиво. Лучше окраина деревни.

— ...Камера крупным планом снимает пегую дворняжку с жизнерадостными глазами. Она лежит на траве у хозяйских ног, и, задрав мордочку, силится заглянуть ему в глаза...

— Собака подобострастно улыбается. На спине — репейная колючка.

— Объектив с дворняжки передвигается на сапоги хозяина...

— Кирзачи: подошва стоптанная, носки бурые. Изображение скользит вверх по тиснёным чёрным голенищам...

— Суконные штаны с отвисшими коленками... ширинка вольнолюбиво раскрыта. Как говорится, можем себе позволить! — по-ленински выставив ладонь вперёд, он картаво произнёс: «Скажу бойше, это — гыавное завоевание евоюции!»

— Скажу Мойше...

Они задорно рассмеялись.

— Но, оставим патетику! — иронично прервала Она. — Итак...

— Ремень на брюках узкий.

— Покуцанный.

— Фуфайка по-молодецки распахнута, выцветшая рубашка, предположительно голубого цвета, заправлена за пояс.

— Камера продолжает ползти вверх...

— Замыганный ворот рубахи расстёгнут — «из-под» щёгольски торчит край... Край чего?

— «Тельняшка» — наигранно, искусственно.

— Жёлтой футболки.

— Петушиная шея переходит в седой щетинистый подбородок. Щёки загорело-копчёные, в уголке рта самокрутка...

— Нет, «самокрутка» — вульгарно. Хабчик «Примы».

— Идёт сизый дымок.

— Мужик хмурной, поскольку трезвый...

Они согнулись пополам... и долго беззвучно тряслись в унисон, не в силах успокоиться.

Я, затаив дыхание, заморожено слушал творческий диалог счастливой молодой парочки понимая, что на моих глазах рождается сценарий фильма. Я отчётливо увидел и этого деревенского мужика, и дворняжку. Чудо какое-то!

И как они спелись... Буквально десять минут назад все мы ехали нелюдимо уткнувшись в свои заботы. Она с серьёзным видом вычитывала убористый текст с печатных листов, он — заполнял кроссворд. Ехали буки-буками. А сейчас они перекидывались шуточками, с полуслова понимая друг дружку, радостно смеялись, фразы их уже трудно было разделить на отдельные реплики — это был единый развесёлый ручей, весенний, звонкий, полноводный. И ещё свет... Они излучали теперь какой-то загадочный лунный свет, сияние их нарастало. Край этой волшебной ауры согревал и меня.

— Нужно избегать безликих слов, русский язык богат. Можно сказать «человек нетрезвый», а можно «распьяным-пьяна-пьянёненька».

— Трезвый, после вчерашнего.

— Совсем другое дело.

— Меняем картинку — камера являет общий план: мужичонка стоит на околице, на самом краю деревни, центральная улица уходит вдаль.

— В светлую даль.

— Разумеется!.. Улица проезжая для тракторов. Две глубокие глинистые колеи заполнены водой. Забор слева-справа вдоль дороги наполовину повален.

— Лежит, себе...

— Не ше-лох-нё-оотсятся!..

Уткнувшись лбами друг в дружку, они залиvisto хохотали, утирая слёзы.

— Крапива — по пояс. Вдоль улицы чёрные от дождей бревенчатые избы, крыши у некоторых просели.

— Вдали старуха с посохом перебирается через улицу.

— Собака, заметив бабку, унеслась вприпрыжку и там игриво крутится вокруг неё.

— Кругом запустение, разруха, безысходность.

— Меняем план: объектив крупно наезжает на лицо поселянина: ещё не старый, но жизнь... обязывает. Он машинально поправляет замузганную ушанку, обводит взглядом свою малую родину, последний раз затягивается, обжигая пальцы и жмурясь от дыма, решительно бросает чинарик...

— С достоинством выпрямляется и произносит...

— Да, именно в этот момент он разрешился от бремени этой классической фразой. Не нараспев, а так... словно подытоживая, с горечью, с досадой, обречённо: «Вв-вятские поляны...»

— Не спеша, сутулясь, уходит.

— Конец фильма.

Взявшись за руки, они уплывали в глаза друг друга...

Она сошла на одном из полустанков Самарской области.

На прощание они украдкой поцеловались.

Я чувствовал, как её локон горячил... мою щеку... и собственные раны затягивались.

Без неё вагон как-то сразу осиротел, внутренне опустился, не желая скрывать нелепость бытия. Незнамый спутник её наглухо замолчал. В Самаре купе покинул и он.

Соитие по Bluetooth, невольным свидетелем которого я стал...

Рай сладостный... рассыпался в один миг, точно мираж.

Опустошённый, я уставился в чёрное окно и слушал, как поезд, вторя мыслям, потерянно бормотал: как-так, как-так, как-так...

Выйду в конечном пункте и я.

А поезд, потрясённый нелепостью человеческой жизни, будет сетовать и без конца повторять: как-так, как-так, как-так...

...Пока не сойдёт с пути.

*

27.10.2016

Дубок

Притча

Из трилогии «Кавказ» (Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию)

Молодой Дубок вертел-красовался своими редкими листьями и поглядывал снизу вверх на старые морщинистые громады дубов-предков, растущих невдалеке.

С ехидцей он размышлял:

— Листья у меня тоже красивые, с волнистыми краями, почему тогда старики — на виду, а я всю жизнь прозябаю в их тени? Чем я хуже?..

Пичужка села ему на ветку:

— Ой! Ты не очень-то!.. Своими коготями!!! Больно ведь! — взвизгнул Дубок, оглаживая свою нежную кожу.

— Извините, пожалуйста!.. Я нечаянно, — обескуражилась птаха.

— За нечаянно — бьют отчаянно!

— Вы такой юный и уже дерзкий.

— Когда ещё быть дерзким, если не в юности?.. Мои прадеды и прабабки стоят, боятся шелохнуться, не то что дурной пример подать — развалятся сразу... Ах-хха-ха! — самодовольно расхохотался Дубок.

— Вы говорите о старших так непочтительно, что я вынуждена раскланяться с вами, — и птичка улетела.

— «Раскланяться»... Подумаешь, недотрога. Какая ей разница, где столоваться! Червяки везде одинаковые.

Дубок ещё долго запальчиво бросал колкие реплики в адрес улетевшей птички, но в душе понимал: что-то здесь не так. Даже если взять червячков-ползучков, всяких там гусениц, личинок, муравьёв и божьих коровок... На его нежных веточках их нет. Все они, как сговорились, селятся в толстом слое прелых листьев, которые годами, столетиями устилали землю, осыпаясь со старых дубов. А следом за личинками, паучками слетаются птицы и выют на разлапистых крепких ветвях старых дубов гнёзда. В гнёздах выводятся птенцы, из них вновь вырастают птицы и всё по-новой... Из века в век.

— Несправедливо! — покачивал головой Дубок. — Им — всё! Мне — ничего! У них прямой доступ к солнцу, а я из-за них годами сижу без света. Хватит!!! Натерпелись.

Желание сбросить путы, стать вровень... нет! выше их!!! краше, заметнее предков настолько обуяло Дубок, что он, в какой-то момент чуть не засох от зависти.

— Я им ещё устрою! Они у меня поплачут!.. — злорадно вспыхнул он, угрожающе затрепетав всеми своими десятью листьями. Шума, гула не получилось, поскольку листья не касались друг дружки, но трепет был впечатляющий. — Нужно лишь найти союзника, — мучительно, днями и ночами, сутки напролёт мечтал Дубок. — Ветер! он мне поможет. Ему какая разница: он с ними заодно, и ко мне заглядывает.

И ветер, откликнулся на его просьбу. Он поднялся сперва лёгкий, затем всё сильнее, сильней... Задул осенний ветер листоде́р... да и не ветер уже — настоящий предзимний шквал откликнулся на призыв Дубка. С престарелых дубов полетели на землю огромные обломанные сучья, золотые листья срывались, сыпались веером с веток и вместе с желудями толстым слоем укрывали землю вокруг. А молоденький гибкий Дубок лишь слегка грациозно покачивался, словно в танце, и ему очень даже нравилось всё это действо... эта лесная дискотека. Он в такт порывам то приседал, то размахивал веточками и ли-ко-вааал... Он бесновался от радости, увидев, как вершина прадуба под бешеным ураганным ветром обломилась и по всему чёрному дряхлому стволу — с самого верха до основания — прошла глубокая трещина.

— Ура!!! — ликовал молодой дубок. — Так вам и надо!.. Пусть шторм всех вас вырвет с корнем. Тогда не будете мне мешать!

И ураган услышал его... Он грозно загудел, зарычал и, обратившись лютым смерчем, стал по очереди воздушной воронкой зависать то над одним старым дубом, то над другим, выдёргивая их с корнями, с грохотом, с пластами земли. Вот уже нет останков прадеда дуба, вот повергнут наземь дед... И лишь отец прикрывал молодой Дубок от северного ветра собой. Природа вокруг преобразилась... Вот уж и леса не осталось. Когда буря вырвала с корнями старые деревья, самые древние, самые сильные, всю молодёжь унесло по ветру, словно тростинки. Дубок в страхе выглядывал из-за широченной спины отца: вокруг, сколько хватало взгляду, лежала безжизненная холодная скалистая пустыня.

Где жучки? где паучки? где птичьи гнёзда?

Всё разорено ураганом...

— Что я наделал?! — в ужасе стал причитать Дубок. — Если смерч вырвет с корнями и отца — я погиб...

Дубок едва пережил штормовую ночь. К утру северный ветер стих, но пришла другая беда... На небосводе безжалостным огнём запылало светило...

Все растения и насекомые, всё, в чём едва теплилась жизнь — сгорело под палящими лучами солнца. Не осталось ни одного деревца, ни одного кустарника, ни одной зелёной травинки, лишь пожухлая иссохшая стернь... А Дубок спокойно, в тени могучей кроны отца-исполина, постепенно приходил в себя, охорашивался, рос и мужал.

В порыве благодарности он протянул к отцу свои ветви, но тот не отвечал.

Шторм и солнце окончательно иссушили, обескровили его... Дуб стоял уже неживой...

Он так и умер, стоя, прикрывая своими огромными ветвями сына от палящего солнца, от студёного ветра...

И весной жизнь вернулась в дубраву. Из желудей народились, проклюнулись липкие зелёные росточки, они тянулись вверх и росли, хорошели, крепили под сенью возмужавшего Дубка. Теперь он — самый старший в роду — трепетно, ревностно защищал молодые побеги от северного ветра и палящего солнца.

А пичужка свила в его крепких ветвях гнездо и вывела птенцов...

Жизнь продолжалась.

*

02.11.2016 г.

Искусство «БЫТЬ»

Из трилогии «Кавказ» (Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию)

Частенько перед глазами, как наяву, стоят люди с героическими судьбами... И настойчивым камертоном стучит в мозг: «А как бы поступил ты? А как правильно?» Что ни беседа, ни ситуация — вопрос один.

Один и тот же вопрос!..

И в повседневной жизни, и в переломные ключевые моменты судьбы: какую из дорог выбрать? Какая верная?! Взлёты и падения, обещания и отказы, надежды, разочарования, локальные успехи и поражения сменяют друг друга волна за волной на всём пути к цели. А что если подножки, неудачи — знак Свыше. Знак «остановиться». Может, пора поднять белый флаг? Раз само не идёт в руки, стоит ли пытаться сорвать банк, шагая по головам, расталкивая локтями?..

Гордыня — великий грех!

«Смирение! Смирение! И ещё раз смирение!» — назидательно поучает Библия.

- От Луки святое благовествование, 1.52: «...Низложил сильных с престолов, и вознес смиренных».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.7 «Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас».
- Первое соборное послание святого апостола Петра, 5.5, 5.6; Соборное послание святого апостола Иакова, 4.6; Послание к Филиппийцам святого апостола Павла, 2.3; Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 3.12; Первое соборное послание святого апостола Петра, 3.8; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.16;

И так далее...

Но тот же Новый Завет призывает нас к благим значимым деяниям. Возможно, человек, забывший о своём Божественном сотворении, хуже дьявола...

- От Луки святое благовествование, 12.48: «И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут».
- От Матфея святое благовествование, 7.7: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам»; 8 «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят».
- От Матфея святое благовествование, 25.28: «Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов», 29 «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».
- Послание к Колоссянам святого апостола Павла, 2.18; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.21; От Иоана святое благовествование, 3.27; Послание к Римлянам святого апостола Павла, 12.17; Первое послание к Тимофею святого апостола Павла, 4.14;

И т. д. и т. п.

Ничто не происходит само по себе.

Ничто не гладко...

Всё с боями, всё с потом... каждый кусок хлеба, как и завещал Господь Адаму.

И вот уже не выступает пот, терпение переходит в стойкость, стойкость — в напор!

Не получается открыть дверь? Сейчас мы её... плечиком...

— А-ну, пад-нажж-мём! За ценой не па-астаи-иим!

Не поддаётся?!

Ломиком... Ну, я не знаю... динамитом! Под песню Евгения Долматовского:

Не созданы мы для лёгких путей,
И эта повадка у наших детей...

Или смиренно ждать, пока откроется сама?

Вопрос.

А если дверь выбрана ошибочно?! Как простому человеку «Быть»?

Как знать, на что направлять волю: на обуздание желаний или на одоление препятствий? И как правильно выбрать цель?! Поэт Николай Доризо настаивает:

Упрямым быть не торопись,
Хоть я упрямым и завидую.
Коль дверь закрыта — не ломись,
Ищи упрямо дверь открытую.

Я поднимаю взор в далёкое, бездонное, холодное небо:

— Э-ге-гей!!! Кто-нибудь ответь: «Как Быть?» Подскажи!!!

— Ты сам...

— ?

— ...Ты сам знаешь ответ на свой вопрос.

— Са-аам?

— Да. То, что внутри тебя, что во много крат сильнее, что диктует, как поступать здесь и сейчас.

— Диктует?

— Да. И за каждый шаг в сторону ты ответишь на Страшном Суде.

*

07.07.2015 г.

Ящик Пандоры

Из трилогии «Кавказ» (Хождения в Дагестан, Абхазию, Ингушетию)

Истинное положение дел, честная информация — кислород.

Без кислорода жизни нет! Но благо он и лекарство лишь... в дозах умеренных.

Правда без купюр, без прикрас, такая, как есть, — равносильна кислородной бомбе!..

Посему девизом советских газет был лозунг: «Меньше знают — крепче спят!» В годы юности моей за этим следили бдительно, правду ссужали строго по буквам, под роспись в рамках «грифов»: «для служебного пользования», «секретно», «сов-секретно». Однако в 1988-м железный занавес закачался, затрещал... Герметичность нарушилась, в щели стало пробиваться солнце.

Страшно!..

В описавшемся от страха и растерянности СССР мне довелось присутствовать на партхозактиве.

Зал — битком: не только мы, номенклатура по списку, пропустили ещё «представителей общественности» — критиканы, оруны-бузотёры (те топтались позади). Я отчётливо-резко помню день и час, когда Правда впервые прозвучала открыто, публично!..

Да, ящик Пандоры открывали при мне...

Раздался тревожный сигнал: «Пи-пи-пи-пи-пи-пи...»

На трибуну вышел бледный Руководитель, выдержал мхатовскую паузу и без бумажки объявил:

— Товарищи, московское время пятнадцать часов...

В мёртвой тишине бухнуло упавшее тело, приглушённая сутолока:

— Воды... Кто-нибудь! Во-ды!

Поволокли женщину на свежий воздух.

Меж тем оратор грозно вещал:

— В Волгограде и Куйбышеве шестнадцать.

Зал напряжённо затаился. И... как гром среди ясного неба:

— ...В Свердловске, Уфе и Челябинске семнадцать!

Сводки шипением расползались по рядам:

— Слыш-ш-ш, «в Свердловске семнадцать», «сем-над-цать в Свердловске...» —

А с трибуны зловещим набатом неумолимого рока неслось:

— В Омске и Новосибирске восемнадцать!

По рядам пробежал неодобрительный шепоток, а сзади, среди диссидентов — наоборот с робкой надеждой:

— Ты слышал?!

— Теперь и умирать можно...

— В Кемерово девятнадцать, в Иркутске и Улан-Удэ двадцать.

Гул перерос в смешки. Свекольный лик оратора передёрнуло. Поверх роговых очков он выискивал взглядом нарушителей:

— Да, в Иркутске — двадцать.

— Быть такого не может! — не удержался кто-то с места. — Неделю как оттуда, встречался в трудовых коллективах, беседовал с товарищами.

— Я вам больше скажу, в Якутске и Чите двадцать один, — игнорируя реплику, не унимался Первый.

— «В Якутске и Чите двадцать один!» — победным эхом вторила галёрка.

— В Хабаровске и Владивостоке двадцать два, в Магадане двадцать три часа.

— «В Ма-га-дане двадцать три!!!»

— Совсем зарпортовался!.. Его самого за это в Магадан...

— Мы не верим! Покажите бумаги!!!

— Пусть покажет!!!

— Мал-ча-аааать!!! — докладчик кулаком ...бнул по трибуне так, что сомнений не осталось — раздавит. Размозжит любого.
Но... чудо! зал вольнодумно гудел.
Первый, перекрывая шум, смертельно раненым зверем почти прорычал:
— В Петропавловске-Камчатском!.. полночь!

«Полночь!» Видано ли?! Полночь... Полночь, — я, не слыша никого, словно обкуренный, сомнамбулой пробирался к выходу... невпопад кивая знакомым:
— Да и вам!.. Ничего... Спасибо, застегну...
«В Петропавловске-Камчатском полночь!..» Полночь!..
Понятно... всего не скажут. Можно себе представить, что там на самом деле...

Всё!.. Жизнь кончилась.
Тогда так казалось не только мне.

*

01.07.2015 г.

Математическое ожидание

О. К.

Фантастическая сказка
по мотивам романа Евгения Замятина

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

Поток штампованных человечков уныло тянулся по серому безмолвному городу...

Все жители города Цифр были вырезаны из толстого ворсистого картона. Каждый горожанин слезал утром со своей полочки, имеющей строгий порядковый номер, брал канцелярскую кнопку, прикрывал ею, будто щитом, красный кружок на груди, направлял острие наружу и шёл по разлинованным клеточкам к рабочему блоку, где вместе с другими картонными человечками ждал, когда 10 вышестоящих цифр станут на порядок значительно больше и его перекопят на полку повыше.

Жизнь в городе была устроена очень разумно: у каждого свой двенадцатизначный идентификационный номер, выбитый на кнопке (чтоб путаницы не было). В нём — вся информация о человечке: дата создания, где живёт, работает, когда получены замечания от Главного Смотрителя Света и за что. Когда именно приходил вечер, сколько продолжалась ночь и когда наступал рассвет, человечки узнавали по часам. Они развешены везде... Ярко мерцающие циферблаты иногда раздражительно-красными, иногда приятно-зелёными знаками задавали монотонный ритм жизни. В 18:00 Главный Смотритель Света снижал накал уличных ламп, и город Цифр погружался в сумерки. Стоило часам на ратуше отсчитать 24:00, уличное освещение полностью обесточивалось, и лишь в дальнем углу коридора, между деревянными стеллажами, загоралась тусклая контрольная лампочка — начиналась ночь. Тогда обитатели картонного царства укладывались в свои уютные тёплые коробочки. Шорохи стихали. Пустоту заполняла усталая тишина...

Ночная передышка — лучшая награда за суетный день.

...Ровно в 06:00 Главный Смотритель включил рубильник, подал напряжение в городскую сеть, и люминесцентные лампы ярким фиолетовым светом разбудили город Цифр.

Началось утро.

Казалось, оно ничем не отличалось от других.

Житель города 113012391007 сначала тоже так считал, ведь он обычный картонный человечек. На работе к нему обращались официально, перечисляя полный набор цифр, а свои окликали запросто (по первому знаку) — Единичка.

У каждой цифры, повыше середины, был нарисован алый кружок. Пока фигурка новая — он яркий. У старых цифр, со временем, краска обсыпалась, кружок тускнел и стирался. После этого человечка лишали номера и списывали, помещая в бездонный отсек Безвременья. Загадочный символ надлежало всегда прикрывать на людях кнопкой. Обнажать его было не принято. (К тому же, в случае надобности, кнопкой можно уколоть.) Так поступали все... И никому в голову не приходило оставить кнопку дома. Однако Единичка посмотрел на неё сегодня, подержал в руках и... не взял. Зачем ранить других, даже нечаянно? Хотя, может, такое объяснение для себя он просто придумал? Он уже давно томительно ждал чего-то загадочного, манящего. Мечтал о нём. Жаждал... И ожидание это напрямую связывал с отсутствием кнопки...

Единичка подошёл к лифту. Соседние цифры теснились и перетаптывались в очереди. Наконец лифт поравнялся с их полкой, все погрузились и под монотонное гудение

электродвигателя стали с подрагиванием опускаться. В механической кабинке тесно. Чужие металлические кнопки иногда задевали его остриём и неприятно царапали. На первом этаже лифт последний раз дёрнулся, уткнулся в неподвижность, створки дверей раскрылись, и обитатели спальной секции влились в общий поток.

Искусственный свет тусклыми бликами отражался на полированной поверхности миллионов канцелярских Кнопок, тупо бредущих по бульвару Повседневности вдоль скучных домов-высоток. Тихие птицы чёрными тенями низко скользили над бетонной мостовой. Восковые цветы торчали на клумбе безжизненно и совсем не пахли.

Он встретил Её на перекрёстке, за два квартала от рабочего блока.

Четвёрочка шла в потоке цифр.

Человечки с чётными и нечётными числами в городе Цифр отличались друг от друга, но эта разница замалчивалась. Думать, а тем более спрашивать об этом категорически запрещалось. Все чувства были оцифрованы, отношения — подчёркнуто-высушены. Почему среди других типичных силуэтов Единичка заметил Её? Ведь он специально не всматривался, какие там цифры мелькают. Их много. У каждой своя комбинация знаков, свои маршруты, свои кнопки-шипы, крепко прижатые к груди...

Стоп! В руках у Четвёрочки не было кнопки-колючки.

Единичка остановился и, затаив дыхание, пристально глядел на Неё...

Четвёрочка шла, грустно опустив голову. Каблучки тонко цокали по мостовой. Поравнялась с ним, прошла мимо, сделала несколько шагов и... помедлив... тоже остановилась. Попробовала сделать ещё шаг. Ноги, словно ватные, не слушались. Она растерянно повернула голову сначала в одну сторону, затем в другую. Обернулась... В потоке цифр неподвижно стоял Единичка и заворожённо смотрел на неё. Единичка показался ей не таким как все... Что-то выбивалось в его внешнем облике из привычного порядка вещей. У него на груди... пылал... алый кружок.

Отчего он так открыт? Где кнопка?

Их взгляды встретились. Задержались друг в друге.

Началась цепная реакция... Четвёрочка не увидела, скорее почувствовала: её собственная красная мишень, томимая изнутри горячим потоком, превратилась в невесомый светящийся шарик... он отделился от картонного тела... и, слегка колеблясь в воздухе, поплыл к Единичке. Коснулся, растворился в нём.

Единичка в истоме прикрыл глаза... Алая поверхность на груди у Единички стала вздыматься, перекачиваться, появился такой же невесомый шар. Он двинулся к Четвёрочке и, не встречая на пути препятствий, плавно... нежно... с ходу вошёл в неё.

Магическая энергия накапливалась между ними...

Проходящие мимо маленькие человечки не замечали каких-либо видимых изменений, но вместе с тем испытывали необъяснимое беспокойство. Уличные электрические датчики предупреждающим потрескиванием указывали на существование магнитного поля сверхсилы.

Взгляд Четвёрочки затуманился безотчётной радостью. Смущение приятным жаром окатило её. Необычайная лёгкость за-аах!-ватывала... дух. Четвёрочка с удивлением разглядывала свои волосы, нарисованное платье, туфельки... картонную оболочку, ЧЕМ БЫЛА до этого. Всё внезапно начало меняться, теряя тяжесть, форму, значимость. Особое невесомое состояние. Раньше она не могла видеть себя со стороны, а теперь запросто!

Кто-то неведомый и всемогущий поднял для них тяжёлый театральный занавес...

Весь мир вокруг ожил: восковые цветы стали ароматными фиалками; свинцовые облака, нарисованные блёклой гуашью, пришли в движение и расступились перед солнцем; невиданные бабочки порхали, касаясь их своими радужными крылышками; нежно звенели изумрудные колокольчики, волнуемые свежим ветром; райские птицы кувыркались в голубом бескрайнем небе, вдохновенно исполняя Великую... песнь... страстной... любви.

Хмурое гетто, безликие человечки куда-то исчезли.

Из двух светящихся шаров возникло что-то единое, волшебное, сладкое... Они являли собой золотое сияющее свечение. Оно разрасталось, набирало силу и пьянило, унося их в звёздно-хмельную даль.

Но этот каскад неизвестных ранее чувств Четвёрочку пугал, вносил смятение. Она сделала попытку отделиться, её светящийся сгусток с большим трудом отпрянул от целого и поплыл к своему картонному силуэту...

...День ушёл в никуда.

Сколько ни пыталась она потом, так и не смогла восстановить в памяти последующие события: каким образом светящееся облачко вернулось в картонное тело? почему на груди опять появилась багровая мишень? куда исчезли бабочки и живые цветы? зачем смолкли колокольчики?..

Как всегда, Главный Смотритель отключил на ночь свет. Все давно утомонились. И только гнетущая тишина недоброй соседкой бродила по длинным коридорам. Четвёрочка лежала в спальной ячейке и никак не могла уснуть, мучительно вспоминая подробности утра. Вспоминала, вспоминала, вспоминала...

Закон города Цифр в стране Вероятности допускал подобные случаи только теоретически. Данное явление описывалось формулой как «математическое ожидание случайной Величины»:

$$E\xi = \sum_i a_i p_i = \sum_i a_i P(\xi = a_i)$$

Но в реальности система никогда не давала сбоя.

Запрета строго придерживались и не открывали красный кружок перед незнакомой цифрой, к тому же другого порядка. Да, сегодня утром она допустила роковую ошибку. Оступилась!.. То ли по рассеянности, то ли просто в спешке вышла на улицу... незащищённой. Без кнопки! Чем обернётся для неё эта искренность?

Четвёрочка резко поднялась с полки, метнулась к двери, назад... То острые сомнения и восторг, то запоздалое раскаяние и невыразимая тоска захлёстывали её.

Контрольная лампочка скупно брезжила, кое-как освещая ярусы общежития. Соседские цифры, каждая в своей ячейке, застыли до утра в забытии. Четвёрочка с грустью смотрела на свой рубиновый кружок, тревожно мерцающий в темноте. Горячее томление под ним не давало покоя, любовная печаль вырастала в сладкую боль. Испуганная, она вдруг схватила кнопку. Напряжённо вцепилась в края. А жар всё сильнее и сильнее... «Где сейчас Единичка? Наверное, забыл меня. Спит спокойно...» Металл нагрелся так, что Четвёрочка едва не обожглась. Она откинула кнопку в сторону, и та юлой завертелась вокруг острия.

Алая поверхность на груди вновь стала вздыматься...

Специальные счётчики на улице зафиксировали аномальное магнитное излучение, которое выделял плывущий над городом необычный сверкающий объект. Над одним из корпусов он завис, свечение его усилилось, навстречу поднялся такой же ослепительно-белый шар. Они слились... Раздался взрыв! Аннигиляция!

Цифры, разбуженные страшным громом, п о в ы с о в ы в а л и с ь из окон.

Было хорошо видно, как по чёрному небосклону вверх уносилась сияющая пульсирующая точка. Она достигла границ неба, прожгла его и скрылась в бесконечности.

Наутро Цифры обнаружили два пустых картонных силуэта, а сквозь пыльный бетон мостовой пробился нежно-зелёный росток неведомого растения.

*